

“Эрмитажу юбилейных денег никто не давал”

Михаил Пиотровский — Газете

О планах крупнейшего в стране музея — Эрмитажа поговорила с его директором Михаилом Пиотровским Голяра Садых-заде.

С какими культурными инициативами собирается выступить музей к юбилею города?

Специально к трехсотлетию мы ничего не предпринимает: в плановом порядке завершим кое-какие крупные проекты и программы, затеянные задолго до юбилея, например, очередной этап глобального проекта развития музея под названием «Большой Эрмитаж»; откроем новый вход в музей со стороны Дворцовой площади. Согласитесь, это стереотипное представление: раз грядет юбилей, значит, нужно волноваться, торопиться, выбивать под него деньги. Действительно, у нас в России, да и в Европе тоже, принято добывать деньги «под событие». Но Эрмитажу «юбилейных» денег никто не выделял — если не считать того, что государство погасило наш долг финской строительной фирме. И потому мне нечего ответить на официальные запросы, которые поступают в нашу канцелярию: что вы сделали к юбилею? В этом году Эрмитаж получил нормальное, обычное бюджетное финансирование и, как всегда, добавил к нему внебюджетные средства, заработанные музеем на продаже билетов, организации выставок за рубежом, лицензировании изображений, на кураторстве — то есть на нашем авторском труде. Есть у нас и доноры: например, реставрация арки Главного штаба производится в равных долях на наши деньги и деньги фирмы «Интеррос».

То есть Эрмитаж и в юбилейный год существует в обычном режиме?

В обычном, то есть в очень напряженном режиме, в котором всегда живет Эрмитаж. У нас принят нормальный деловой стиль, без истерики и авралов. И я думаю, это оптимальный стиль работы для такого большого музея. Что касается меня, то я вообще не люблю юбилеи, не люблю отмечать памятные даты, справлять дни рождения: они лишь прерывают нормальный ход времени.

Неужели и в майские дни юбилея Эрмитаж никак не отреагирует на торжества?

Почему же? Предполагается, что Эрмитаж станет одним из центральных мест праздника. Здесь откроется выставка, посвященная основателю города Петру I. Причем интонация ее будет не традиционно дидактической, но скорее эмоциональной. Мы покажем огромное количество личных вещей Петра, хранящих его энергетику. Например, все его костюмы — их около двухсот пятидесяти. Часть экспозиции составят железные трости Петра: каждая из них отлита из металла, выплавлявшегося на разных петровских заводах. Будут представлены и рабочие станки Петра, и его трубки...

А туфли?

Туфель Петра сохранилось меньше, но и их мы покажем.

Они, наверное, огромного размера?

Напротив, относительно малы. Петр был высок, но нога у него была маленькая. И руки тоже.

Мы решили, что в юбилей Эрмитаж будет работать три дня круглые сутки и бесплатно: акция рассчитана на жителей Петербурга. Гости, именитые и знаменитые, придут днем. А ночные посещения мы собираемся особо обставить: в залах будет играть живая музыка, петь хор, в Эрмитажном театре желающие смогут посмотреть фильм Сокурова «Русский ковчег». Правда, русская версия фильма пока не создана, ее готовят к показу как раз к юбилею.

А вообще, я прокручиваю в уме новую систему посещения Эрмитажа: попробуем совместить концерты Эрмитажного оркестра с вечерними визитами в выставочные залы. Организационно это немного сложно, но возможно — открыть несколько залов и пускать туда публику. Но мне пока идея не очень нравится, потому что это стандартный ход: во многих крупнейших музеях мира по вечерам играет музыка.

Можно совместить ночное посещение Эрмитажа с изысканным ужином; в венском Музее изящных искусств, например, по четвергам, в самом центре здания, под куполом, работает ресторан. Публика гуляет по залам, рассматривает картины, потом садится за столы...

Да, там есть действующий ресторан. Но у нас в Зимнем дворце мы не будем его устраивать. Мы собираемся открыть частный ресторан на первом этаже Иностранной коллегии, сейчас здание реставрируется. Он будет считаться эрмитажным рестораном, и вывеска будет соответствующая. Позже в здании коллегии предполагается разместить семь-восемь ресторанов, каждый — со своей оригинальной кухней. Там будут рестораны на любой вкус — русский ресторан, французский, итальянский, китайский, турецкий.

Что ж, Эрмитаж может себе это позволить: если вспомнить, как щедро представлены дары природы на голландских натюрмортах с дичью, рыбой, фруктами...

А сколько у нас уникальной посуды! Сервизы лучших заводов, керамика разных эпох. Можно использовать орнаменты и формы как мотивы для оформления ресторанных интерьеров.

Но все это пока в отдаленных планах. Сейчас же насущная наша задача — успеть отреставрировать арку Главного штаба к юбилею: пока на ней нет декора — он весь снят. А колесница с Никой уже отреставрирована.

Отреставрирована или восстановлена?

Скульптура Ники — та, что сгорела в новогоднюю ночь, — восстановлена. Город, создавая свою вину, честно дал на восстановление деньги. Остальное отреставрировано. Кроме того, мы закончили реставрацию Главного штаба со стороны площади и левого крыла со стороны Мойки. Это стоило миллионы долларов. Вскоре мы собираемся открыть новый вход в Эрмитаж, через двор Зимнего дворца. Уже готов пандус у входа, откуда посетители попадут все в тот же главный холл, только не со стороны набережной, а со стороны площади.

На знаменитых чугунных воротах дворца вновь закрепят двуглавых орлов — они уже готовы, сейчас их золотят. Орлы появятся и на крыше Нового Эрмитажа, где они и стояли изначально по проекту фон Кленце. А на крыше Меншиковского дворца установят короны; модели корон готовы, и к трехсотлетию, надеюсь, Меншиковский дворец обретет первоначанный вид. Новый вход с площади, в сущности, означает переориентацию музея в пространстве. Вместо здания, вытянутого вдоль набережной, будет музей, обнимающий Дворцовую площадь. Сама площадь с ее уникальным архитектурным ансамблем тогда будет восприниматься как продолжение музейного пространства. Слава богу, уже принят регламент использования площади, утвержденный городом весной: последним толчком к его принятию послужила трагедия с Никой, когда злополучный пожар, занявшийся от искры новогодней шутихи, сжег ее дотла. Регламент закрепляет контроль Эрмитажа над площадью — теперь на ней не развернутся пивные праздники, демонстрации и фейерверки. Люди получают возможность спокойно идти с Невского, под аркой штаба, по площади и заходить в музей через распахнутые ворота двора. А большинство одиночных посетителей двигаются к музею именно таким маршрутом — вплотную к Эрмитажу на общественном транспорте не подьехать.

Как складываются взаимоотношения Эрмитажа — музея федерального подчинения — и города?

Достаточно спокойно. Особых проблем не возникает, потому что город нам денег не дает; и потому мы тоже свободны от обязательств. Но когда возникает необходимость, всегда можно договариваться по-деловому. Вот сейчас город принялсь обновлять тротуары: на Мойке и Зимней канавке подняты гранитные плиты, насыпаны горы песка. Тут уж мы ничего не можем поделать, разве только бегать вокруг и кричать: «Не надо, не делайте этого!».

И что же, так и будут копать до мая?

Ну, надеюсь, все закончится к апрелю, во всяком случае, обещали. В самом крайнем случае — проложим деревянные мостки. Время от времени мы выходим на уровень городской администрации со своими инициативами. Последнее предложение я высказал недавно — относительно туристских автобусов, портящих вид площади. Мне кажется, автобусы с площади нужно убирать, хотя бы отгонять на Конюшенную площадь. Должно быть так: привез туристов — и отъехал, вернулся за ними в точно назначенное время. Так принято во всем мире. Ряды «Икарусов» уродуют ансамбль площади. Бедному туристу уже и приличных фотографий не сделать — в кадр вечно лезут автобусы. Еще хуже положение зимой, когда водители, чтобы согреться, включают двигатели. Выхлопы оседают на наши фасады; мы их чистим, моем, а они опять покрываются копотью — сизифов труд! Так что воленс-ноленс, но приходится порой вникать в проблемы благоустройства города: коль скоро мы живем в городской среде, они и нас касаются. Мегаполис вообще постоянно рождает новые проблемы, и их нужно решать по мере поступления. Нужна некая тонкая синастройка различных инструментов городского управления.

Эту задачу вы пытаетесь разрешить с помощью Всемирного клуба петербуржцев как инструмента влияния? Вы ведь являетесь его президентом.

Клуб петербуржцев можно назвать инструментом влияния лишь в некоторой степени. Да, в городе прислушиваются к тому, о чем говорится в клубе. Членами клуба являются и губернатор Яковлев, и Людмила Нарусова (они ходят на заседания клуба в разное время), и влиятельные чиновники, и артисты, и музыканты — например, Андрей Петров, Сергей Слонимский (он написал гимн клубу). Однако слишком острые политические выступления в клубе не приняты: просто общегородские проблемы в той или иной степени проговариваются.

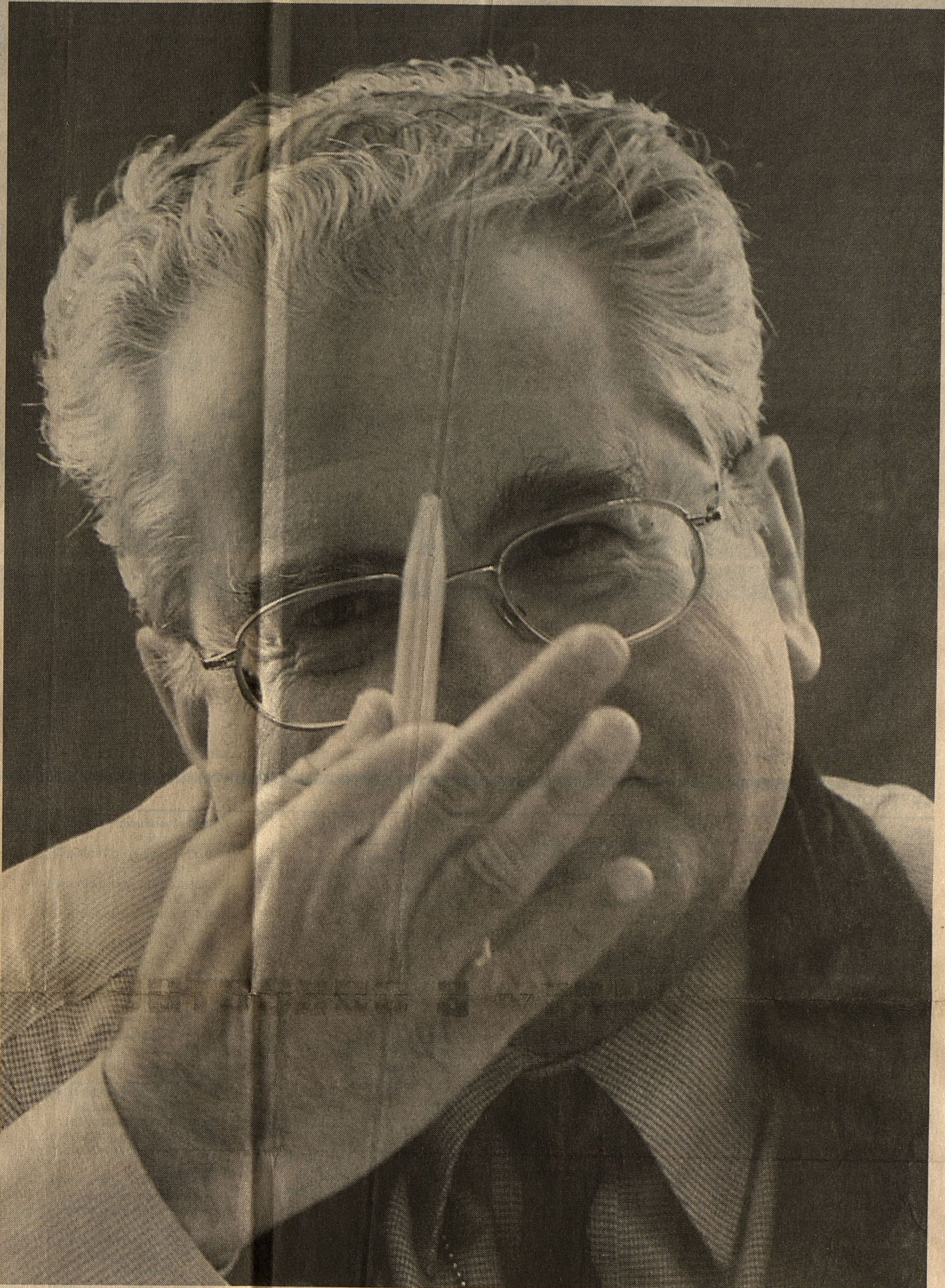
Как восприняли в клубе проект реконструкции Новой Голландии и нового здания Мариинского театра? И как вы лично относитесь к проекту Эрика Мосса? Да нормально я к нему отношусь! Только тут нужно все делать правильно. Главное — помнить, что окончательное решение по проекту должен принимать Мариинский театр. Это их дело, здание строится для них. И не стоит слишком вмешиваться в процесс, особенно знатокам строительства.

Как же это возможно, если Мариинский театр поставлен в положение, при котором обязан принять решение конкурсной комиссии?

Я выражаю сейчас свое мнение. Последнее слово должно остаться за театром. И я знаю, о чем говорю: у нас была похожая ситуация. Только что прошел конкурс Всемирного банка на реконструкцию Главного штаба, ждем результатов. Но независимо от того, выиграет ли европейская или русская фирма, работать они будут вместе. Сам проект Мосса я толком не видел, но не уверен, что Петербургу так уж подойдет калифорнийский архитектор, скорее уж европейский. Однако то, что в Петербург нужно обязательно приглашать западных архитекторов, — факт, не вызывающий сомнений. Это в традициях Петербурга со дня его основания.

Но есть и другая традиция: западные архитекторы всегда работали здесь в смычке с русскими. Русские зодчие все время мешали западным работать, заставляли применяться к климату, строить так, как им, русским мастерам, представлялось лучше. И в результате этого давления и контроля мы получаем, например, Новый Эрмитаж Лео фон Кленце — на мой взгляд, лучшее его творение. И лучшее здание, когда-либо созданное для музейного собрания.

Но проект Мосса нравится именно своей провокационностью, он бросает вызов окружающей среде — и, согласитесь, вызов этот обоснован... Окружающей среде Театральной площади трудно бросить вызов: на ней можно строить что угодно, ее архитектура совместима с очень многим. Иначе обстоит дело с Новой Голландией: там предложенный Мос-

Михаил Пиотровский: «То, что в Петербург нужно обязательно приглашать западных архитекторов, — факт, не вызывающий сомнений» Фотограф: Михаил Разуваев

сом «клуб на ножках», скорее всего, не пройдет.

Уже объявлен конкурс — возможно, появятся иные проекты.

Я — член оргкомитета этого конкурса. В него входят и министр культуры, и директор Большого театра Иксанов, и архитектор города Харченко, и директор Русского музея Гусев, какие-то министерские архитекторы... Заседает комитет в Москве; на данном этапе, как я понял, определяются списки архитекторов, которым предложат участвовать в конкурсе.

Так конкурс будет закрытым?

Насколько я знаю — да. Так что может статься, проект Мосса вовсе не пригодится, если появится другой проект.

Менее провокационный?

Более европейский. Судить о том, что лучше, а что хуже в данной ситуации, — не нам, а потомкам. Посмотрим: если московский проект действительно так изумительно функционален, как о нем говорят, — то и хорошо. А если внутри его «мусорных мешков» тоже «мешки» — тогда он вряд ли пройдет.

Насколько мне известно, внутрь «мешков» вписан куб.

Ну, посмотрим. Всякий крупный проект нужно тысячу раз обсуждать, не для того, чтобы найти истину — все равно решат будет Мариинский театр, — а чтобы все получили возможность высказать свои сомнения, идеи, соображения, замечания. Это очень полезно: одни бы успокоились, а других бы услышали.

Вы сказали, что решать будет Мариинский театр. Но не получится ли, что решат будет тот, кто дает деньги?

Пока никто никаких денег не дает. Какие-то деньги стоят за Моссом — я имею в виду, на его конкретный проект кто-то готов дать деньги.

А как Эрмитаж решает проблему поиска денег?

У нас все по-другому. Часть работ по Главному штабу готов оплачивать Всемирный банк. Сейчас идет конкурс двух групп по проекту.

Пока что нам выделяют довольно большие деньги — целый миллион — на технико-экономическое обследование, которое будет проводиться под эгидой Эрмитажа. Может быть, мы привлечем экспертов со стороны: будем использовать опыт Гуттенхайма — они умеют строить и выбирать архитекторов. За время обследования оформится проект, и на него уже мы начнем искать деньги.

но при условии, что они окажутся под нашим контролем. Найдем.

Как вы намерены использовать будущие музейные площади?

В здании Штаба гвардейского корпуса сделаем Музей гвардии. В здании Министерства иностранных дел разместим художественные галереи и музей искусства XX века.

Значит ли это, что художественные интересы Эрмитажа постепенно разворачиваются в сторону современного искусства?

Отчасти — да. У нас заключено соглашение с музеем Гуттенхайма, предусматривающее предоставление им наших музейных площадей, а нам — их площадок в Берлине, Венеции, Нью-Йорке. Но пока я плохо представляю, на каких именах и художественных фигурах будет базироваться будущая коллекция искусства XX века. Наверное, нужно брать десять самых значимых имен. Конечно, первоклассных полотен на наши деньги не купишь, но мы можем получать их во временные экспозиции из других музеев, потом менять — по принципу ротации. Может, со временем кто-то начнет дарить работы. В общем, скорее всего будем создавать мобильную схему существования коллекции.

На новые приобретения музей совсем не имеет средств?

Иногда мы покупаем картины в среднем ценовом диапазоне: на это нам ежегодно отпускается 600 тысяч долларов. Недавно с помощью Потанина мы купили «Черный квадрат» Малевича — это самая дорогая покупка за все время существования Эрмитажа, мы занимались ею несколько лет. Малевич нам был необходим для основания новой коллекции. У нас совсем нет его работ, а он все-таки знаковый художник XX века. Если наша новая экспозиция будет начинаться с «Композиции № 6» Кандинского — без сомнения, лучшей его работы — и «Черного квадрата» Малевича, то эта обязывающая заявка задаст тон всему собранию.

Вы не хотели бы сменить тактику и попытаться закупать работы у многообещающих молодых художников в расчете на то, что они станут знамениты?

Нет, это противоречило бы нашей музейной концепции. Эрмитаж — заведение консервативное, и нужно всемерно поддерживать сложившуюся репутацию вместилища раритетов и экстраклассных произведений. Есть другие музеи, которые давно и специально занимаются молодыми художниками: Русский музей, например. Это их ниша, они давно работают с современным искусством

и умеют это делать. Наша миссия в ином: не поддержка актуального искусства, а некая оценка уже имеющегося. Попытка же собрать работы художников в расчете, что они прославятся через пять-десять лет, уж точно обречена на провал.

Но через 50 лет вам придется переплачивать...

Значит, будем переплачивать. Статус Эрмитажа таков, что мы не можем позволить себе случайные закупки.

Вы упомянули Русский музей. Существует ли между двумя крупнейшими музеями города конкуренция?

У нас нет конкуренции с Русским музеем — мы работаем на разных деланках. Наоборот, союз музейщиков Петербурга собирается обсудить некую общую для города стратегию музейной жизни. Назрела нужда выработать новые принципы и методы межмузейного общения. Нужно договариваться о совместном использовании коллекций — а то каждый уперся в свою коллекцию и сидит на ней.

Например, сейчас мы с Русским музеем обсуждаем, как нам лучше использовать Летний сад. Именно вместе использовать, а не присоединять его к Эрмитажу или Русскому музею. Дело в том, что Летний сад — самая старинная в городе «петровская зона», памятник эпохи Петра. А эпоха Петра представлена относительно скудно: Меншиковским дворцом, Зимним дворцом, Петропавловской крепостью, домиком Петра на набережной, Петергофом. Это особый кусок города, который возможно объединять как туристическими маршрутами, так и общими научными программами исследований.

Недавно я заходила в Летний сад и ужаснулась его запущенности: дорожки поросли травой, пруд обмелел, лебеди улетели, везде валяются ветки, мусор, клумбы лысые, неухоженные...

Так если б с садом все было в порядке, то и разговора бы не было — живет себе, и ладно. Но город не справляется с содержанием сада, поэтому было решено передать его в федеральную собственность. Кроме того, мы разрабатываем совместные планы с Царским селом: собираемся перевести в отреставрированную Белую башню часть арсенала — раньше он там и хранился, пока Николай не перевез его в город. Так что отношения и с городом, и с коллегами-музейщиками складываются вполне конструктивные, особых конфликтов, слава богу, не возникает.